

Восточный и западный корпуса, как и следовало из названий, находились по разные стороны от учительской. Это означало, что, едва покинув её, мы должны были расходиться.

И всё же я мешкал, пытаюсь идти в ногу с сонбэ. Я осторожничал, то и дело оглядываясь, чтобы скрыть своё скромное желание — хотя бы выйти из учительской вместе.

В этот момент прозвенел звонок на третий урок. Учителя, включая сонбэ, то тут, то там начали подниматься со своих мест. Сегодня мне снова сопутствовала крошечная удача. Тихо усмехнувшись, я последовал за ним.

Стоило мне переступить порог, уже мысленно прощаясь с ним, как сонбэ внезапно схватил меня за руку.

— Пожалуйста, присмотрите за моими ребятами. Я так уверенно взялся за классное руководство, но если они завалят первые же экзамены, я просто ударю в грязь лицом.

Мы стояли в коридоре прямо у входа в учительскую. Я попытался было выдернуть свою руку, но его искренняя и в то же время игривая хватка не поддавалась.

Да и, честно говоря, я не слишком-то и старался.

— Такая просьба ведь не в тягость, правда?

— Хорошо-хорошо.

— Вот почему я доверяю только учителю Сон. Вы мне нравитесь, вы такой добрый.

Я кивнул, словно уступая его настойчивости. Но по правде говоря, даже если бы он не просил, я бы и так из кожи вон лез, чтобы помочь. И благодаря его привычке просить о чём угодно в дружеской манере я мог делать вид, будто просто иду навстречу коллеге, а не отчаянно пытаюсь помочь человеку, которому готов отдать всего себя.

Именно поэтому, несмотря на многолетнюю и безнадежную безответную любовь, я умудрялся не совершать глупых ошибок и не срываться по пустякам.

Пока я не жадничал, пока знал своё место, всё было хорошо. Так что моя безответная любовь была... комфортной.

Класс 3-5. Перед тем как открыть дверь, мой взгляд зацепился за длинную табличку, висевшую прямо над ней. Фраза, над которой сонбэ думал больше недели, на самом деле была самым первым вариантом.

[Удачи, наши мальчишки! ♥^♥]

Мне почти слышался его голос: «Удачи, наш Джэ Юн!». И пусть это было лишь воображение, на душе стало тепло.

— Все, по местам.

Гул голосов стих, стоило мне стукнуть по кафедре твёрдой папкой журнала. Среди учеников, заполнявших класс, один резко встал.

Если другие ученики расстёгивали верхние пуговицы, жалуясь на духоту, или вовсе обходились одной футболкой под пиджаком, то у него рубашка была застёгнута наглухо. Поверх белоснежной ткани — тёмно-синий вязаный жилет. Аккуратный узел галстука и послушно свисающий вниз его кончик.

— Смирно.

Когда мой взгляд проследовал за его голосом, голова сама собой слегка откинулась назад. Первое, что я увидел, — каштановые волосы. Они мягко лежали на голове и легко колыхались, стоило ему повернуть голову. Его светлые глаза снова обратились к центру класса. И наши взгляды встретились.

— Поклон учителю.

Его голос — словно ясное осеннее небо на фоне грубых, звенящих металлом голосов остальных. Мягкий и в то же время низкий, он обладал удивительной глубиной, которую я не успел уловить в момент короткой первой фразы. «Как ему идёт», — подумал я.

— Доброе утро.

Пауза была столь мимолётной, что её и паузой-то не назовёшь. Его лицо тут же растворилось в море других лиц, и зрительный контакт оборвался.

Это я никак не мог отвести взгляд, хотя в этом и не было никакого особого смысла. Полагаю, любой на моём месте засмотрелся бы на него.

Я слышал, что он уже был знаменитостью не только в учительской, но и во всей школе, и даже за её пределами. Глядя, как восхищение людей перерастает в какое-то почти раболепное обожание, я не мог не удивляться: «Неужели он настолько хорош?». Забавно, но стоило мне его увидеть, как я всё понял.

А, так вот он какой.

К его яркой внешности невозможно было привыкнуть. Возможно, всё дело было в декорациях:

он был словно кинозвезда, случайно зашедшая со съёмочной площадки в обычную школу. Поэтому взгляд, даже против воли, снова и снова возвращался к нему — не только потому, что он был на голову выше всех.

Он и правда красив.

Я мысленно усмехнулся. Прошёл уже месяц, а я всё ещё позволяю себе отвлекаться на посторонние мысли прямо во время урока.

Видимо, я всё-таки немного освоился, обрёл толику самообладания. Это разительно отличалось от первой недели, когда я, выйдя из класса, не мог вспомнить ни единого слова, произнесённого за пятьдесят минут урока.

Я подавил гордую усмешку, готовую было появиться на губах.

— Итак, откройте страницу 25.

Эта фраза прозвучала не столько для учеников, сколько для меня самого. Приказ оборвать поток праздных мыслей и сосредоточиться на работе.

Я открыл учебник на кафедре, и со всех сторон послышался беспорядочный шелест переворачиваемых страниц. Я пометил стикером пятнадцатую задачу, а значит, начать нужно было со следующей.

Номера 16, 17, 18, 19...

Закончив читать условие, я поднял голову и наткнулся на его взгляд. Взгляд, который, впрочем, был устремлён не в мои глаза, а чуть ниже. Туда, где находились губы учителя, объясняющего решение задачи.

Мой рот объяснял решение, глаза украдкой следили за ним, а мысли были полны тайного восхищения. «Надо же, как вообще можно так выглядеть?»

Отправной точкой его выразительных черт были густые, ровные брови над чуть выступающими надбровными дугами. От них вниз спускалась прямая, высокая переносица, выделяющая глубоко посаженные глаза, на которые ложилась тень от век. А может, всё дело было в выраженных двойных веках, что наполовину прикрывали зрачки, отчего во взгляде появлялась какая-то загадочность.

Я вдруг подумал, что его внешность не просто уникальна, но двойственна. Светло-карие глаза в тон волосам казались тёплыми, но резкая линия носа и челюсти отдавала холодком. И губы — яркие, чуть приподнятые в уголках, словно в намёке на улыбку, но при этом плотно сжатые.

В итоге получался образ юноши с мягкими чертами, но в целом сильного и благородного.

Может, дело было в телосложении? Судя по мощным плечам, они занимали почти всю ширину парты. Он, казалось, не уступит даже ребятам из спортивных секций, не то что обычным ученикам.

Было даже как-то несправедливо. Он не просто был ослепительно, безупречно красив — будучи старшеклассником, он уже выглядел как взрослый мужчина. Впрочем, я не мог сказать наверняка: была ли это его окончательная форма или его тело всё ещё находилось в процессе становления.

Урок, на котором мы в основном решали задачи, а не разбирали новую теорию, часто проходил в тишине. Поэтому, вместо того чтобы стоять у доски, я обычно медленно прохаживался между рядами.

— Семнадцатый номер. Прошу к доске.

Староста поднялся со своего места. Это случилось как раз в тот момент, когда я, обходя класс, проходил мимо его парты.

Он и сидя казался высоким, но когда он встал, да ещё и рядом со мной, я в полной мере ощутил его исполинский рост.

Я тут же развернулся и направился в противоположный конец класса, обойдя его сзади. Мы были единственными стоящими в помещении, полном сидящих учеников, и если бы мы остались рядом, сравнения были бы неизбежны.

Из дальнего угла я наблюдал за движением его руки. Белая линия мела послушно следовала за ней по доске.

Тук-тук-тук. Даже пальцы, державшие мелок, были длинными и изящными. «Надо же, и руки у него красивые, и почерк ровный», — подумал я, разглядывая выводимые им символы.

«Учитель, мы не можем разобрать, что вы пишете».

Это случилось месяц назад, в мой самый первый день у доски. Тогда-то я и понял, насколько ужасен мой почерк... Вернее, я и раньше догадывался, но не думал, что всё настолько запущено.

Наверняка они хотели задеть за живое молодого, неопытного учителя, но в их словах была доля правды. Уж не знаю, позабавил ли их мой растерянный вид, или их терпение просто лопнуло, но в итоге, под дружный хор протестов, мне пришлось купить домой маленькую доску.

Я исписывал её целыми днями, но не уверен, что это сильно помогло. Одно я знал точно: мой почерк, который рядом с его каллиграфией казался готовым рассыпаться во все стороны, был пределом моих стараний.

Как ученик может так красиво писать? Поразительно. Даже издалека буквы стояли ровно, не заваливаясь ни вверх, ни вниз. Конечно, я знал, что на доске едва заметно расчерчена сетка, но даже с ней мои строчки к концу всё равно умудрялись съехать набок.

К счастью, я вёл не корейский или обществознание, где пришлось бы много писать на хангыле. С математикой в этом плане было проще. В основном я выводил на доске цифры и латинские буквы.

— ...закончил.

— А?

— Я всё, учитель.

— Ах, да.

Я наконец очнулся от своих размышлений. Староста развернулся и смотрел прямо на меня. Наш первый прямой зрительный контакт получился на удивление долгим. Впрочем, я сам виноват — продержал его у доски непростительно долго.

Как у ученика могут быть такие глубокие глаза? Словно смотришь на крупный план актёра в кино, который играет одними лишь глазами. Наверное, всё дело в том, что его радужки были такими светлыми, словно в них запутался солнечный свет. Просто потому, что они были красивыми. Да и черты лица у него были как у актёра. Наверное, в этом всё дело.

— Хм, молодец. Всё верно. Садись.

Староста, отвернувшись, положил мелок и вернулся на место. Лишь мой взгляд так и остался прикован к его макушке, возвышавшейся над остальными.

***

Вообще-то, была ещё одна причина, по которой я любил своё место, помимо соседства с сонбэ. Справа от меня, вместо стены, было огромное окно.

Переводчик и редактор — Rudiment

<http://bllate.org/book/14794/1318941>